

М. Г. САВИЦКИЙ (Коломна)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО НАЗВАНИЯ *Москва*

Предлагаемая этимология гидронима *Москва* основывается на его финно-угорском происхождении, но рассматривается с иных позиций, чем это имело место до сих пор.

Накопившиеся за последнее время археологические, этноисторические, климатологические и топонимические данные позволяют утверждать с достаточной уверенностью, что далекие предки коми жили в междуречье Оки и Волги и в том числе на Москва-реке и что именно они дали название этой реке, как и другим подобным гидрообъектам региона.

На огромной территории, которую занимала некогда смешанная финно-угорская народность, сохранилось много гидрообъектов с древними финно-угорскими названиями, подтверждающими былое наличие финно-угорской общности. Например, через нынешнее Подмосковье протекает река *Москва*, имеющая финно-пермское название, а недалеко от нее берет свое начало речка с характерным угорским названием *Истья*, вблизи которой протекает река с явным финно-пермским именем *Протва*. То же наблюдается и на остальной территории Волго-Окского междуречья и в прилегающих к нему некоторых регионах, где гидронимы финно-пермского происхождения (*Болва*, *Пожва*, *Садва*, *Смедва*, *Титва* и другие) чередуются с угорскими (*Мостья*, *Тысья*, *Турья*, *Редья*, *Урья* и другие).

Тот факт, что в Подмосковье и вокруг него с финно-пермскими гидронимами соседствуют угорские, несомненно свидетельствует о том, что формирование финно-угорской гидронимии происходило здесь в период финно-угорской общности, т. е. до выделения финно-пермской и угорской ветвей, в V—IV тыс. до н. э. (Авдусин 1977 : 62). Это совпадает с бытованием в Волго-Окском междуречье неолитической льяловской культуры, большая стоянка которой у деревни Льялово — недалеко от города-спутника Москвы Зеленограда — изучена археологами (Авдусин 1977 : 58; Мартынов 1982 : 56).

Таким образом, имеются основания утверждать, что формирование гидронимов с формантом *ва* в междуречье Оки и Волги и в том числе в Подмосковье происходило в среде финно-угорского населения еще в период раннего неолита в V—IV тыс. до н. э. В конце раннего и в период развитого неолита, т. е. в IV—III тыс. до н. э., многочисленные льяловские племена проникли на Европейский Север и в Прибалтику (Мартынов 1982 : 56, 57, 59).

По заключению исследователей палеоклимата, в середине IV тыс. до н. э. во всем Северном полушарии произошло очередное значительное потепление и климат стал не только теплым, но и сухим. Это привело к затяжной засухе в междуречье Оки и Волги и в прилегающих районах, что вызвало резкое снижение уровня воды во всех водных системах (Ошибкина 1979 : 76—81). Повсеместно усыхал зеленый покров, леса оскудели зверем и птицей, водоемы обеднели рыбой. Люди, жившие в основном за счет охоты и рыбной ловли, вынуждены были искать более благодатные края. И таким краем для них оказался Европейский Север.

Наступившее потепление преобразило этот переувлажненный, холодный край, до того почти не пригодный для жизни человека. Усохли многочисленные болота, появи-

лась буйная растительность, а также много пушного и прочего зверя и птицы. Берега рек и озер стали пригодными для поселения и ловли рыбы, которой изобиловали теперь водоемы. Чтобы представить, насколько потепление преобразило Европейский Север, достаточно сказать, что нынешний Северный Ледовитый океан тогда был теплым и в нем отсутствовали льды, а лесо-тундровая и лесная полосы благоухали растительностью (Говоруха, Маркин 1983 : 37). Именно сюда началась массовая миграция финно-угорского населения с засушливого юга и главным образом из Волго-Окского междуречья (Ошибкина 1979 : 76—81).

Заселяя берега незнакомых северных рек, люди давали им названия «по своим привычным и знакомым моделям, принесенным из старых мест» (Мурзаев 1974 : 83). Вот тогда переселенцы из Волго-Окского междуречья и с берегов Москва-реки и занесли на далекие северные просторы свою модель именованя гидрообъектов с формантом *ва*. Разумеется, это были не коми-зыряне, формирование которых как народности началось только в начале I тыс. н. э., а их далекие предки, вынужденные мигрировать на Европейский Север, оставив в память о себе на старых местах обитания гидронимы на *-ва*, в том числе и название реки, давшей имя ныне великому городу — *Москва*.

Если внимательно ознакомиться с географической картой Европейского Севера, можно убедиться, что наибольшее количество гидронимов с формантом *ва* приходится на Республику Коми и на Коми-Пермяцкий автономный округ. Именно здесь, в языке этих народов с наибольшей вероятностью следует искать сохранившееся древнее финно-угорское слово, дающее ключ к открытию смысловой тайны гидронима *Москва*. В ижемском коми-зырянском диалекте, в говоре поселка Кожва имеется слово *москыы* (ССКЗД 226). Оно является дублетным синонимом слова *вовкудз* (ССКЗД 63) 'курчавый щавель', который и поныне повсеместно растет по берегам Москва-реки. *Москыы* — слово сложное: *мос* 'корова' + *кыы* 'язык' ('коровий язык'). Семантика гидронима *Москва* легко и логично объяснима с помощью двух финно-угорских слов *москыы* и *ва*, т. е. 'шавелевая река'.

Следует сказать, что древние предки коми довольно часто присваивали гидрообъектам имена (как это принято и у других народностей) по растениям, которые росли по берегам в большом количестве, например, *Пожва* 'сосновая река', *Кедва* 'кедровая река', *Лемва* 'черемуховая река' и т. п. Но что могло побудить древних финно-угров присвоить щавелю название *москыы*, т. е. 'коровий язык'? Очевидно, на это их натолкнула форма языка коровы, которая по очертанию имеет заметное сходство с листьями курчавого щавеля. Как сейчас установлено, в степной и в средней лесной зонах Европы и в том числе в Волго-Окском междуречье еще в VI—V тыс. до н. э. население уже имело домашний скот и в том числе коров (Шнерельман 1980). Так что к периоду миграции финно-угров из междуречья Оки и Волги на Европейский Север они уже были знакомы с крупным рогатым скотом, т. е. с коровами.

Факт массовой миграции финно-угорских племен на Европейский Север подтверждается новейшими археологическими исследованиями, которые по датировке вполне согласуются с выводами исследователей палеоклимата. И поскольку заселение Европейского Севера шло с юга и в особенности из междуречья Оки и Волги, то только отсюда и только финно-угорским населением, проживавшим тогда здесь, могла быть перенесена на север модель именованя гидрообъектов с формантом *ва*. Миграция длилась с середины IV тыс. до середины III тыс. до н. э., когда климат на Европейском Севере снова стал суровым и этот край перестал привлекать к себе новых переселенцев (Ошибкина 1979 : 76—81). Однако на север ушло далеко не все финно-угорское население. Значительная его часть, которая еще могла прокормиться за счет оскудевших рыбных запасов и охотничьих угодий, осталась на старых местах обитания.

Таким образом, финно-угорские, финно-пермские племена обитали в рассматриваемом регионе непрерывно в течение многих тысячелетий. Кому же как не им дано было именовать окружающие гидрообъекты. Ведь общеизвестно, что любая народность, обитавшая в древности на одной и той же территории длительное время,

оставляла на ней какое-то количество тех или иных памятников и в том числе географических названий.

Занимаясь продолжительное время изучением археологических памятников в бассейне Москва-реки и в среднем течении Оки, приходится невольно обращать внимание на множество больших и малых финно-угорских городищ и селищ, возраст которых исчисляется тысячелетиями. Только на берегах Москва-реки, по неполным данным, насчитывается свыше 25 финно-угорских городищ, не считая селищ, но гораздо больше их можно обнаружить на ее притоках (Розенфельдт, Юшко 1973). Нельзя не отметить, что в черте самого города Москвы уже открыто и исследовано 15 финно-угорских городищ и селищ. Кстати, проведенными в последнее время Музеем истории и реконструкции Москвы археологическими исследованиями установлено, что на территории Московского Кремля существовало древнее городище, построенное финно-уграми еще задолго до боярина Кучки и князя Юрия Долгорукого (Рабинович, Шеляпина 1974 : 91—96).

Говоря о многочисленности финно-угорских археологических памятников Подмосковья, нельзя не упомянуть о том, что до сих пор здесь не обнаружено ни одного балтского городища или хотя бы селища. Утверждение некоторых исследователей о том, что такие гидронимы, как *Ока* и *Москва*, являются балтскими по происхождению, не подтверждается археологическими данными.

Учитывая, что формирование финно-угорской гидронимии в междуречье Оки и Волги и в бассейне Москва-реки происходило в V—IV тыс. и уж во всяком случае не позже III тыс. до н. э., всякое славянское участие в происхождении гидронима *Москва* представляется немыслимым: когда они появились на Москва-реке, она уже давно имела название. И здесь нельзя не согласиться с мнением топонимистов Г. П. Смолицкой и М. В. Горбаневского, которые пришли к следующему выводу: «Трудно представить, что до прихода славян эта река, основная водная артерия района, не имела имени или славяне переименовали ее — дали ей свое название. Славянские племена, пришедшие сюда, усвоили то название, которое река уже имела, как усвоили множество других в бассейне Москва-реки и соседних с ней рек, причем в устной передаче тех, кто жил здесь до их прихода» (Смолицкая, Горбаневский 1982 : 88). Ну а поскольку до прихода славян здесь обитали финно-угорские племена, то только от них и на их языке славяне могли воспринять финно-угорское название реки.

Здесь будет, пожалуй, уместным остановиться на одном чрезвычайно важном аспекте обсуждаемого вопроса, а именно на древнерусской форме названия *Москва* — *Москы*. Это не только полностью подтверждает правильность вышеизложенной гипотезы, но и позволяет с достаточной уверенностью установить название городища финно-угров, воздвигнутого ими на Боровицком холме, и форму, в которой восприняли его из уст аборигенов славяне-первопроходцы.

В коми языке, как свидетельствуют письменные исторические памятники, утрата или вокализация *л* произошла в XIV—XV вв. При появлении славян упомянутое растение могло называться *москыл*, а в их языке название предположительно получило форму *москы*, поскольку в этот период характерной особенностью древнерусского языка являлось то, что каждый слог был только открытым, ни одно слово и ни один слог не могли оканчиваться на согласный звук. Это фонетическое явление называется законом открытого слога. Оно возникло еще в общеславянском языке-основе и существовало в древнерусском языке до XI—XIII вв. (Самсонов 1977 : 99). Тем самым *москыл* > *мо-скы*. Форма *Москы* была зафиксирована в древнерусской летописи при упоминании в ней изначальной Москвы.

После того, как слово *москыл* преобрело форму *москы*, река *Москылва* стала называться *Москыва*, именем которой (в несколько сокращенной форме) и был назван современный город *Москва*, основанный финно-уграми еще задолго до прихода сюда славян.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусин Д. А. 1977, Археология СССР, «Высшая школа», Москва.
 Говоруха Л., Маркин В. 1983, Форпост науки в Арктике. — Наука и жизнь, № 11, Москва.
 Мартынов А. И. 1982, Археология СССР, «Высшая школа», Москва.
 Мурзаев Э. М. 1974, Очерки топонимии, «Мысль», Москва.
 Ошибкина С. В. 1971, К истории заселения Европейского Севера. — Природа, № 1, Москва.
 Рабинович М. Г., Шеляпина Н. С. 1974, Кремль как археологический памятник. — Свод памятников истории и культуры, вып. 6, Москва, 91—96.
 Розенфельдт Р. Л., Юшко А. А. 1973, Список археологических памятников Московской области, Москва.
 Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. 1982, Топонимия Москвы, «Наука», Москва.
 Шнерельман В. А. 1980, Происхождение скотоводства, «Наука», Москва.

Venäjäen uralilaisten kansojen tilastoa. Koonnut ja toimittanut Seppo Lallukka, Helsinki 1992 (Venäjän ja Itä-Euroopan instituutti. Julkaisusarja A 16). 40 S.

In den vergangenen Jahrzehnten hat Seppo Lallukka mehrere Überblicksarbeiten über die Bevölkerungszahlen, die Sprachbeherrschung und die kulturell-wirtschaftliche Lage der uralischen Völker publiziert. Zu erwähnen wären in erster Linie drei Bücher: erstens «Suomalais-ugrilaiset kansat Neuvostoliiton uusimpien väestönlas- kentojen valossa» (Neuvostoliittoinstituutin julkaisusarja A 11, Helsinki 1982), in dem Angaben über die finnisch-ugrischen Völker festgehalten sind; zweitens «The East Finnic Minorities in the Soviet Union. An Appraisal of the Erosive Trends» (Suomalaisen Tiedeakatemian toimituksia B 252, Helsinki 1990), das einer vielseitigen Betrachtung der vier finnisch-ugrischen Völker — Mordwinen, Mari, Udmurten und Komi — gewidmet ist (s. dazu auch meine Besprechung in der vorliegenden Zeitschrift XXVII 1991); drittens das hier zu rezensierende Werk, in dem auch die Samojuden und damit alle uralischen Völker erfaßt werden.

Diese Statistik der uralischen Völker Rußlands besteht im Grunde genommen nur aus Tabellen mit entsprechenden Angaben. In den 41 Tabellen finden sich Zahlenangaben über die Demographie (Tab. 1—10), über die bevölkerungsmäßige Zusammensetzung auf den nationalen Territorien (11—20), über die Sprachbeherr-

schung (21—24), über Nationalschulen (25—29), über den Bildungsstand (30—35) und über die nationalsprachliche Literatur und Presse (36—41). Beigefügt sind Karten über die nationalen Gebiete der uralischen Völker innerhalb Rußlands. Verstärkt ins Blickfeld gerückt hat S. Lallukka erneut die Mordwinen, Mari, Udmurten und Komi. Die von ihm gemachten Angaben basieren vor allem auf den 1959, 1970, 1979 und 1989 in der UdSSR durchgeführten Volkszählungen. Verwendung fanden auch andere statistische Quellen.

Ausgehend von der gleichen Grundlage hatte auch ich in der vorliegenden Zeitschrift kurze Ausführungen über die Bevölkerungszahlen und die Sprachkenntnisse der uralischen Völker gemacht (s. LU XXVIII 1992). Das von S. Lallukka vorgebrachte Angabenmaterial ist natürlich viel umfangreicher und ausführlicher. Deshalb möchte ich im nachfolgenden auf einiges Material von S. Lallukka eingehen, ohne das in meinem obengenannten Artikel bereits Vorgestellte hier zu wiederholen.

Ausgegangen wird von der Bevölkerungsanzahl der uralischen Völker im Jahre 1989 innerhalb der Sowjetunion (SU), in der Russischen Föderation (RF) und auf ihrem nationalen Territorium (NT) sowie dem prozentualen Verhältnis zwischen dem ersten und dritten (s. Tab. 2):